

БОРИС РУДЕНКО

ЦЕНА ИСКУПЛЕНИЯ

Фантастический рассказ

Все это теперь позади. До предела осточертевшая тяжесть жестких скафандров, метановые ураганы Юнги и оглушающая, жгучая тоска по дому.

Все это в прошлом. Пройдет еще двое суток, и все мы — все тридцать шесть, взойдем на борт большого планетарного модуля, чтобы покинуть Юнгу навсегда. И право, никто из нас не станет о том жалеть, хотя частица каждого осталась здесь, на этой планете. Эти последние два дня никто из нас и близко не подойдет к реактору, не посмотрит в ту сторону. Пожалуй, мы почти не будем разговаривать друг с другом эти два

дня. Может, погому, что реактор — единственная тема наших разговоров в последние годы, единственный предмет волнений и споров. И единственное, о чем мы не захотим слышать в эти последние двое суток на Юнге.

Запретная тема. Никто ее, конечно, не запрещал, просто для каждого реактор — мост между прошлым и будущим.

* * *

Налетевший шквал повалил незакрепленную регенераторную колонну. Прямая вина Косовского, настоявшего на ее установке, несмотря на штормовое предупреждение. Только искать виновных уже не время. Шквал повалил колонну и покати́л на каркас энергостанции. Поблескивая отраженным светом молний, тысячетонная громада неторопливо надвигалась на распределитель и обнаженные коммуникации — результат двухмесячного труда всей колонии.

Медленно и неотвратно, на виду у всех. Люди ругались и скрежетали зубами, бессильные что-либо изменить. Единственный шанс оставался у Корнева. Его машина была ближе других, он мог попытаться. Каждый поступил бы так же, но мог только Корнев. Следовательно — был должен.

В тот единственный момент, когда накатывающаяся колонна заслонила его от ветра, слегка ослабив бешеный напор, Корнев отстрелил якоря и бросил свой мультигрейдер под матовое, ленивое брюхо. Машину сильно снесло ветром, но Корнев добрался, тут же вонзив в землю последний оставшийся якорь. В сплошном реве и грохоте бури хруста слышно не было. Мультигрейдер Корнева превратился в сплюсненную жестянку. Капсулу безопасности на три четверти вдавило в жесткую, каменистую почву, но колонна остановилась.

Корнев ворочался в своей капсуле, отплевывался от чего-то, беспрестанно спрашивал: «Ну как? Получилось? Ну что?» Ему орали в тридцать шесть глоток, что все в порядке, все как надо, молодец, — но Корнев не слышал из-за повреждения связи и все повторял: «Ну как? Чего молчите?»

Целый час, пока бушевал шквал, а потом еще сколько-то, пока капсулу с Корневым выколупывали из-под колонны, он как заведенный повторял эти самые слова. Потом он объяснил, что аварийное освещение капсулы тоже вышло из строя, и в наступившей безмолвной темноте он полностью потерял ориентацию в пространстве и времени. В той, прежней жизни он испытал однажды такое ощущение, заблудившись в карстовых пещерах Крыма. Корнев с самого начала не скрывал своего прошлого, каждый рано или поздно начинал понимать, что нести бремя совершенного в одиночку гораздо тяжелее.

Почти каждый.

* * *

Мы делали Юнгу пригодной для жизни человека. Превращали ее в новую Землю. Чтобы сделать это, следовало изменить атмосферу. Превратить ядовитую смесь метана с углекислым газом в

нечто пригодное для дыхания. Для этого мы строили реактор — гигантский атмосферный преобразователь.

В лабораторных условиях задача довольно простая. Следует добыть кислород из углекислоты, с его помощью сжечь метан, из образовавшейся окиси вновь выделить кислород и снова сжечь метан — и так далее до самого конца, постепенно включая в процесс живых пожирателей углекислого газа — водоросли хлореллы.

Из регенерационных колонн в камеру сгорания и снова на регенерацию. Энергетические ресурсы пополняет бешеный ветер Юнги, ядерная электростанция и сгорающий метан. Такова принципиальная схема реактора.

Триста восемь колонн, двадцать две камеры сгорания, столько же парогенераторов, одиннадцать ветровых энергостанций, одна ядерная и бесчисленные километры коммуникаций. Плюс ремонтный завод, вспомогательные помещения и многое другое, вплоть до гигантских изложниц будущих плантаций хлореллы.

Все это должны были сделать мы — тридцать семь человек на Юнге.

Конечно, мы были не одни. Колоссальный технический потенциал Земли помогал нам. У нас было все, что могла предоставить инженерная мысль. Все самое лучшее, самое современное и самое надежное — могучие умные машины, прочный удобный дом, совершенная система личной безопасности.

И неограниченный запас времени.

* * *

Существо появилось, когда наступили недолгие недели относительно затишья — первого для нас сезона перемены ветров. Однако и тогда никто не рисковал покидать надолго личные машины, хотя мы знали, что прежнюю силу ураганы наберут лишь через месяц. Именно этот инстинктивный страх новичка спас жизнь некоторым из нас, и прежде всего Фильдеру.

Фильдер так и не смог тогда связно объяснить, откуда оно взялось. Он наблюдал, как «циклопы» собирали двенадцатую колонну. «Циклопы» работали безукоризненно: осторожно сдвигали секции, тщательно проходили швы сваркой и рассыпались на автономные модули, чтобы смонтировать внутренности очередного отсека. Фильдеру ничего не нужно было контролировать, он просто ждал окончания сборки, чтобы вызвать подъемник. Пока ему нечего было делать и он сообщил об этом Акрошу, дежурившему в центральном посту, предложив монтаж следующей колонны предоставить полностью автоматам, а самого его перевести на другой участок.

Пока Акрош выяснял, куда рациональней всего направить Фильдера, тот запросил штормовой прогноз и, узнав, что шквалов не ожидается по меньшей мере в ближайшие полсутки, решил прогуляться вокруг строительной площадки минут пятнадцать. Из предосторожности Фильдер не захлопнул дверцу своего «жука» и, вероятно, этим спас себе жизнь.

В пяти шагах от машины он ощутил холод — не иллюзию озноба, а настоящий холод, что было совершенно немыслимо в ав-

тономном жестком скафандре. Фильдер успел подумать о вероятных неполадках терморегуляции, и это тоже не имело ни малейшего смысла, поскольку наружная температура превышала двадцать по Цельсию. Внезапно он увидел, что вокруг него меркнет свет. Уже не размышляя, он бросился к машине. Ноги подламывались и немели. Фильдер перестал ощущать свое тело, последним усилием перевалился через порожек и приказал двери закрыться. Лежа на полу кабины, полупарализованный и полусонный, он видел, как сгустившаяся тьма, трепеща, прильнула к прозрачному корпусу «жука», сдавила его с каким-то металлическим шорохом, затем отпрянула и медленно растаяла в воздухе. Или растеклась по земле. Фильдер так и не понял, куда она делась.

Минут через десять Фильдер пришел в себя и немедленно сообщил об опасности на центральный пост. Он говорил сбивчиво и малопонятно, вызвав в Акроше подозрение на галлюцинацию. Тем не менее Акрош сразу же передал сообщение Фильдера остальным и, как оказалось, весьма своевременно. Живая тьма нападала в течение следующего получаса дважды, подтвердив тем самым психическую устойчивость Фильдера. Появлялась ниоткуда, обволакивала «жука», словно пробуя его крепость, и бесследно исчезала. Но никто из людей уже не был застигнут врасплох.

Раньше Фильдер был пилотом. Он сказал, что примерно такое состояние, только в несколько более слабой форме, испытывает некапсулированный человек при межзвездном скачке. Внезапно вмешался Залецки, подтвердивший, что ощущение это не из приятных.

«Ты тоже был пилотом?» — заинтересовался Фильдер.

Залецки запнулся и сказал, что это Фильдера не касается.

* * *

Тем, кто строил для нас на Юнге жилой комплекс, наверное, было труднее. Ведь они были лишены даже дома. Они так и жили в своих «жуках», мультигрейдерах и других рабочих машинах, почти не вступая в непосредственное общение друг с другом. Это очень трудно. Вероятно, вина каждого из них была несравненно выше, чем наша. Правда, искупление для них наступило гораздо быстрее...

Совершивший ошибку обязан ее исправить немедленно. А если это невозможно, если последствия необратимы и тяжелы, если не находишь себе оправдания ни в чем и нет сил противиться желанию уйти без борьбы, тебе дается шанс. Сегодня здесь, на Юнге, и в других местах тебе дается возможность жить во имя Искупления, от которой никто не вправе отказаться.

Искупление придет для нас, когда заработает реактор. Никто не будет знать имен его создателей. Наших имен. И в этом высшая милость, высшая степень прощения.

* * *

Так, в прежней жизни Корнев был врачом. Он любил свою профессию, как любил бы любую другую, сложись его судьба иначе. Он любил свою работу не более чем она того требовала. Немного завидовал однокашникам, сумевшим в чем-то обогнать

его, оказаться удачливой в жизни. Чуть бы побольше везения, обаяния, умения расположить к себе старших... Может, Корнев лишен этих качеств, а может, они ему просто не нужны. Извечное деление на трудяг и счастливицов. Лопни, лезь из кожи, но сверх отпущенного судьбой не получишь.

Корнев не собирался лезть из кожи. Его вполне устраивала скучноватая повседневная практика: легкие случаи, хлопотные, случаи посложнее и совсем сложные, уже не доставлявшие никаких хлопот, поскольку есть на то столичные корифеи и центральные клиники.

А были еще ласковые тихие вечера, теплый бриз, шуршание медленных струй под килем парусника и маленькая послушная рука в ладони. Разве мало этого?

Она ждала его, кажется, в тот вечер, когда он, бессмысленно скользнув взглядом по графе противопоказаний в личной карточке больного, сделал укол, а уже через час, поспешно вернувшись к постели вставшего в аллергическую кому, понапрасну терял время, пытаясь определить причину.

Вероятно, она еще ждала Корнева, когда он оцепенело и тупо глядел на неподвижное, остывающее тело, к которому корифеи не успели вовремя...

* * *

До прихода ураганов живая тьма больше не появлялась ни разу, и отчасти стало понятно, почему десанты разведчиков и строители базы не заметили на Юнге этой странной формы жизни. Впрочем, гибель одного из строителей заставляла призадуматься. За полчаса до очередного шквала связь с ним прекратилась. Когда ветер утих, товарищи пропавшего, вытащив из почвы якоря, отправились на поиски и очень скоро обнаружили его машину — подготовленную к шторму и вполне исправную, с распахнутой дверцей.

Смешно искать следы человека, попавшего под шквал Юнги, однако строители искали несколько дней подряд, пользуясь каждой минутой затишья. Единственным логичным объяснением происшедшего была неисправность радиосвязи, помешавшая услышать штормовое предупреждение.

Случившееся с Фильдером давало иную окраску трагическому событию, хотя ничего, совершенно ничего, кроме ощущений самого Фильдера и двух его товарищей, не подтверждало опасений. На следующее утро по всему гигантскому периметру строительной площадки были расставлены индикаторы биоактивности. Безотказные и чрезвычайно чувствительные. Они простояли до самого конца, так о себе ни разу и не напомнив. Постепенно все это начало забываться, и даже Фильдеру порой казалось, что, в сущности, ничего не было вовсе.

За прошедший месяц не было установлено ни одной колонны, так как по настоянию Акроша добрая половина группы занималась воспроизводством «циклопов». Акрошу удалось убедить остальных строить реактор не поэтапно, а готовыми секциями, которые можно было бы параллельно со строительством отлаживать и доводить непосредственно в рабочем режиме. Акрош доказал, что временное снижение темпов из-за отвлечения сил на под-

готовку нового метода не только не скажется на общих сроках работ, но и существенно сократит их в последующем.

Для этого следовало удвоить количество «циклопов». Эти машины, сочетающие компактность и разнообразие рабочих программ, были наиболее эффективны в довольно ограниченных пределах площадки секции. Акроша охотно поддерживали еще и потому, что каждому поскорее хотелось увидеть в действии хотя бы часть реактора — некий промежуточный, но тем не менее конкретный результат их труда.

Спустя неделю были установлены сразу две колонны — двенадцатая и тринадцатая и начат монтаж парогенератора.

* * *

Пилот Фильдер окончил училище, которое несколько столетий назад назвали бы привилегированным. Оно и в самом деле являлось таковым, поскольку критерии отбора курсантов здесь были ужесточены вдвое против обычных. Поступивших считали счастливыми друзьями друзья, родные, курсанты других училищ — все, кроме самих поступивших.

Окончившие училище получали определенные преимущества, но они не доставались даром. Фильдер и его однокашники платили за них потом бесконечной вереницей имитаторов и тренажеров, многочасовыми бдениями в кресле кибертичера и отсутствием множества традиционных прелестей обычной студенческой жизни. Взамен они получали квалификационное звание на класс выше, сокращенный вдвое срок стажировки и вполне определенные перспективы роста.

Первое повышение Фильдер получил раньше прочих выпускников его курса Третье — прежде, чем многие успели получить второе. В тридцать два года он стал капитаном корабля Звездного десанта. Фильдер был прекрасный, редкий пилот, и происшедшее на орбитальной станции Марс-2 до сих пор всплывало перед ним подобно жутким видениям ночного кошмара.

В тот день он чувствовал себя всемогущим. Блестящий рейс завершался слишком буднично. Самостоятельное наведение в пределах тысячекилометровой сферы вокруг станции было категорически запрещено: Марс-2 — одна из самых загруженных станций в системе. Корабль Фильдера терпеливо дожидался своей очереди, иногда вздрагивая от легких рывков малых корректировочных двигателей.

Две хорошенькие ассистентки биолога демонстративно заскулили, шутиво убеждая Фильдера явить мастерство звездного аса и спасти дам от невыносимого, бесцельного, бестолкового ожидания.

Фильдер рассмеялся. Он все мог в этот день. Он испытывал подлинное вдохновение и, увидев коридор, дважды просчитал вероятность успеха. В третий раз это же сделал бортовой вычислитель, подтвердив расчеты Фильдера. Второй пилот с недоумением и тревогой посмотрел на него, когда Фильдер отключил автонаводку и плотно прижал ладони к управляющему диску.

Корабль пошел мягко и быстро. Со станции прозвучало несколько раздраженных окликов, но диспетчер скоро умолк, убе-

дившись в абсолютной безупречности маневра. Оставалось сделать разворот и прилипнуть к причалу, когда диспетчер закричал вновь, и в его голосе звучала не тревога, а настоящий ужас. Фильдер еще мог спасти положение, немедленно включив автопилот, но почему-то не сделал этого.

Прямо перед Фильдером внезапно всплыл корпус большого пассажирского модуля. Факт его появления остался загадкой для Фильдера. Именно в это мгновение модуль не должен был появиться тут. Голоса диспетчера, Фильдера и неизвестного пилота модуля слились в единый вскрик. Борт модуля со скрежетом вмялся под ударом десантного корабля. В следующую секунду вспыхнуло близкое пламя стартового микродвигателя. Фильдер отстраненно понял, что с модуля стартовала спасательная капсула команды, и поразился. В тот момент он даже забыл о своей вине. Капитан, бежавший первым, более чем преступник. Он уже никто. Он теряет все и навсегда.

Благодаря искусству Фильдера, сумевшего избежать повторных столкновений, число погибших пассажиров модуля не превысило пяти.

И до и после суда Фильдер не мог выбросить из головы мысли о бежавшем пилоте. Как бы плохо ни было самому Фильдеру, тому было несравненно хуже.

Вероятно, Фильдер поразился бы, узнав, что имя пилота — Залецки.

* * *

Каждому из нас было назначено искупление Юнгой. Каждый согласился с приговором. Говорят, раньше, давно, было совершенно иначе. Совершивший преступление на определенный срок насильно изолировался от общества себе подобных. Это казалось невероятным. Ни здесь, на Юнге, ни в других местах никто никого не держал насильно. Зачем? Разве можно убежать от самого себя? И как заранее определить срок изоляции? На Юнге мы находились от момента закладки фундамента реактора до его пуска. Мы все стремились сократить это время, страстно желали его окончания, но не в том заключалось главное. Каждый из нас мог уйти и раньше, в любой момент. Но мы должны были знать, что заслужили это право.

Искупление назначается только при условии признания преступником своей вины. Никто и никогда не знал случая, чтобы представший перед судом отказался это сделать. Искупление назначается судебной комиссией, членом которой становится и совершивший преступление. Фактически же функции комиссии сводятся к контролю за тем, чтобы решение не было чересчур жестоким. Уже давно преступник сам назначает себе искупление. Каждый из нас прошел через это.

Аппарат дальней связи находился в гостинной. Действующий и совершенно исправный. В любую минуту можно поговорить с тем, кто дорог, кого видишь наяву бессонными ночами. Стоит лишь сорвать пломбу и набрать код. Так просто!.. Но право на это тоже нужно было заслужить.

А еще можно вызвать Апелляционный совет и закричать в самый экран: «Хватит! Все! Больше не могу!..»

Но пломба оставалась нетронутой. Спустя полтора года мы стали избегать гостиной. Мы боялись ее, скрывали страх друг от друга, безуспешно старались забыть о существовании проклятого аппарата.

Так не могло продолжаться долго.

Однажды во время завтрака мы услышали грохот и звон стекла. Никто не произнес ни слова, не сделал ни одного движения — всем было ясно, что происходит. Расходясь по рабочим местам, каждый прошел мимо гостиной, заглянув в распахнутую дверь. Разбитая в щепы переговорная кабина, вдребезги размолоченный пульт связи. Кто-то из нас все-таки сделал это, и, право, какая разница, кто именно. Еще через полгода гостиная вновь сделалась местом вечерних встреч...

* * *

Косовский по профессии биолог. Он доказал, что Юнга имеет биосферу. Странные организмы с немислимым, с нашей точки зрения, обменом веществ. Однако, несомненно, это была жизнь. Флора или фауна. Или то и другое вместе взятое. Жизнь, существующая в условиях ураганных метановых ветров Юнги, неизбежно должна иметь совершенно парадоксальную форму.

Однажды Косовский привез в контейнере своего «жука» останки жуткого существа, неведь как попавшего в помещение энергостанции и замкнувшего своим телом силовые контакты. Быть может, «живая тьма» и это существо принадлежали к одной породе? Косовский был возбужден открытием, показавшим, что происшедшее с Фильдером и другими не галлюцинация, не мираж. На Юнге была жизнь. Косовский был ослеплен удачей и оттого не осознавал значения своего открытия для всех нас.

Все работы на Юнге будут прерваны до тех пор, пока компетентная комиссия не даст заключение об отсутствии разума и перспектив на его появление у местных обитателей. Для этого нужно будет изловить несколько экземпляров. За два года, проведенные группой на Юнге, существа появлялись всего трижды, причем одновременно. Появлялись мгновенно, неизвестно откуда и так же мгновенно исчезали. До нас их никто не видел. Каждый прикинул, на какое время примерно будут заморожены работы, окончание которых так много значило для нас.

Косовский забыл обо всем. Он увлеченно излагал свою теорию смешанной, животного-растительной формы жизни.

«Может ли она быть разумной?» — спросил кто-то.

Косовский сказал: безусловно, нет. Практически отсутствует нервная ткань. Обгоревшая на контактах тварь на редкость примитивна. Быть может, это не та, что напала на Фильдера. Может, на планете есть и другие формы...

«На меня никто не нападал», — жестко сказал Фильдер, и Косовский удивленно запнулся.

Конечно, может быть, в самом деле это нельзя назвать нападением...

«Не было ничего. Только мираж. Наваждение, фантом. Юнга необитаема».

Косовский заспорил. Он все еще ничего не понимал.

Остальные подтвердили: не было никаких существ. Их нет вообще. Один из нас незаметно выскользнул из гостиной.

«Позвольте, — сказал Косовский — а как же останки, найденные на энергостанции? Это уже не мираж. Это факт, настоящий факт!»

Восторженная дрожь звучала в его словах. Он очень любил свою прежнюю профессию. Таких минут, наверное, ждут всю жизнь. Минуты настоящего триумфа случаются только раз в жизни.

В наступившей тишине стало слышно дыхание людей. Затем чей-то голос произнес: «Все это мираж. От начала до конца». Кажется, это произнес тот, кто недавно выходил из гостиной. Он только что вернулся и прекрасно знал, что говорил. Любый факт за несколько секунд обращается в мираж в ослепительном огне плазменного резака.

Косовский секунду помедлил, затем бросился в лабораторию, где оставалось препарированное существо. Все уже поняли, что он опоздал.

Он вернулся минут через пять. Вошел в гостиную и обвел всех бесцветным, тусклым взглядом.

«Один пепел, — сказал он. — Ничего не осталось. Просто пепел».

Мы разошлись, опустив головы. Невозможно было смотреть на Косовского и друг на друга в ту минуту.

* * *

Вчера мы запустили первую секцию реактора. Это был по-настоящему торжественный день. Мы все собрались в главном зале. Первая секция из двадцати двух. Наша первая победа. Лучше сказать: первая большая победа потому, что побед малых в нашей борьбе с Юнгой неисчислимо множество. Каждый день она понемногу проигрывала нам, эта сумасшедшая планета, а теперь терпела настоящее поражение. Через две недели войдет в строй вторая секция, а дальше дело пойдет еще быстрее.

Мы смотрели, как Акрош запустил насосы, как заработали регенерационные колонны — все четырнадцать, и освобожденный кислород потек по магистралям в камеру сгорания.

А когда включилось зажигание топки, раздался страшный грохот. Топка взлетела на воздух, разорвалась на тысячи кусков. За доли секунды триумф превратился в поражение. Самое отвратительное, что мы не могли получить ответа: отчего это случилось? То есть причина взрыва, конечно, ясна: в момент зажигания камера была заполнена смесью кислорода с метаном. Насколько взрывоопасна такая смесь, известно каждому школьнику. Но как там оказался метан? Была ли нарушена герметизация? Почему не сработали датчики газоанализатора? На все эти вопросы ответа не было, и единственное, что нам оставалось, как только разойтись по своим «жукам» и приняться за ликвидацию последствий аварии.

До тех пор, пока не будет найдена и устранена причина, пришлось приостановить строительство остальных секций. Мы не имели права повторять свои ошибки.

Ответ на вопрос «почему?» был получен, когда мультигрейдер Залецки провалился по самую крышу при расчистке фундамента взорвавшейся топки. Настоящее нефтяное болото под метровой коркой твердого грунта. Под тяжестью здания корка не выдержала, и фундамент дал осадку. Совсем незначительную, но достаточную, чтобы в бетонных стенах появились микротрещины. Герметизация была нарушена.

Что же касалось газоанализатора, то следовало предположить, что он вышел из строя раньше из-за внутренних дефектов. Довольно примитивное, но вполне допустимое объяснение. Тем более что другого не было.

На забивку свайных опор, укрепление фундамента и определение границ болота ушел целый месяц. Только потом возобновились основные работы.

Во время установки седьмой секции заболел Косовский. Это случилось как-то слишком быстро, вдруг. Все беды приходят неожиданными. Он руководил из своего «жука» заливкой фундамента парогенератора. Внезапно подчиненные ему машины будто сбились с темпа, смешались в кучу и бесцельно затоптались на месте.

Заметив неладное, забеспокоился дежурный по центральному пульту. Он несколько раз окликнул Косовского, проверил исправность связи, затем перешел на аварийный канал.

Косовский не отзывался. Дежурный оповестил его ближайших соседей — Тардые и Лосева. Как раз в этот момент странная суетола рабочих механизмов прекратилась. Выстроившись в колонну, они двинулись к зданию энергостанции. Происходило нечто непонятное, однако дежурный и подоспевшие соседи не испытывали пока тревоги, пытаясь восстановить прерванную с Косовским связь.

Все стало ясно, когда первая машина достигла энергостанции. Разогнавшись на ровной площадке, многотонная машина врезалась в стену здания, проломила ее и, скрывшись внутри, принялась сокрушать все, что попадалось под манипуляторы. Вслед за ней в разрушительную работу включились еще два механизма. Остальные стояли неподвижно, будто дожидаясь своей очереди. А может, Косовский просто забыл об их существовании.

В это время все услышали его голос. Какое-то неразборчивое бормотание. Он не отвечал на оклики, казалось, не слышал ничего. Доносились только обрывки фраз: «Никто не имеет права... Они разумны... Все погибнут, все...»

Здание энергостанции наконец рухнуло, погребая под собой взбесившиеся механизмы. Остальные машины тут же развернулись и направились к регенерационным колоннам. Стало понятно, что произойдет дальше. С криком: «Косовский! Остановись!» Тардые бросил свою машину на «жука» Косовского, ударил его в борт. Тот словно не ощутил удара. Тогда Тардые рубанул «жука» плазменным резаком, вылушивая из закипевшего металла капсулу с обезумевшим Косовским. Лишенные управления автоматы замерли всего в десятке метров от ближайшей колонны.

В этот день, единственный раз за все время строительства, с

орбиты был вызван посадочный модуль, который забрал вставшего в коллапс Косовского. Прибывший врач определил у него космическую ностальгию первой степени, отягощенную довольно редким заболеванием. Одним из симптомов этой болезни было отождествление планеты с живым организмом, которому люди якобы наносят своей деятельностью непоправимый вред. Этот врач, несомненно, прекрасный специалист по внезапным недугам, только здесь он немного ошибался. Косовский не считал Юнгу живым существом. Он считал разумными ее обитателей. Возможно также, что его болезнь началась в тот день, когда были уничтожены останки погибшего в энергостанции существа.

И эта мысль мучила каждого из тридцати шести оставшихся до самого конца.

* * *

Все наконец завершилось. Настал день, когда реактор, этот гигантский атмосферный завод, вздохнул в полную силу. Теперь в зоне реактора всегда будут дуть постоянные ветры. Атмосфера Юнги постепенно станет избавляться от метана и насыщаться углекислотой и влагой. Затем настанет черед хлореллы, а вслед за ней на Юнгу придет жизнь, придут люди. Это случится не скоро. Пройдет лет пятьдесят или даже больше. Многие из нас этого уже не увидят.

Сегодня мы можем навсегда улететь с Юнги. Не знаю, вернется ли кто-нибудь из нас к своим прежним занятиям, станет ли таким, как прежде. Наверное, нет. Скорее всего нет. Пережитое останется с нами до последних дней. И с каждым из нас навсегда останется Юнга, ее ураганы, все, что случилось на этой планете.

Но теперь мы можем быть свободны. Цена искупления оказалась высокой, но мы уплатили ее сполна. Перед нами — реактор, творение рук наших, результат наших усилий, созданный для людей и во имя людей.

Конечно, до конца преступление не может искупить ничто. Но мысль о совершенном здесь нашими руками будет теперь помогать каждому из нас. По сути, Юнга была не наказанием, нет, спасением для каждого из нас. Спасением от самих себя, от мучительных угрызений совести.

...Только сейчас мы узнали, что право улететь с Юнги получили не все. Двое должны остаться. Не буду называть их имен, не имею права этого делать. Те двое, что никогда не рассказывали о себе. Вероятно, они имели на то причины. Может быть, они совершили что-то страшное. Возможно, их преступление было умышленным. Никто из нас никогда не видел человека, совершившего умышленное зло.

Цена искупления, которую они определили себе, еще не уплачена. Она огромна, эта цена. Узнав ее, мы испытали ужас.

Для этих двоих искупление наступит только тогда, когда на Юнгу придет жизнь. Когда это произойдет? Через пятьдесят лет? Больше? Значит, для них уже никогда?..

То, что мы узнали на Юнге, изменило все. Постепенно и трудно каждый из нас пришел к мысли о невозможности совершения еще одного преступления ради искупления первого. И у каждого

перед глазами стоял Косовский. Пусть вероятность присутствия разума на Юнге исчезающе мала, но вправе ли мы исключить эту малость? Мы еще задолго до окончания работ решили, что реактор должен быть построен и испытан, а затем остановлен на то время, которое потребуется для поисков истины. Пусть нам придется провести на планете еще какое-то время, каждый смирился с такой возможностью.

Только все стало иначе, когда мы узнали о тех двоих. Они ушли из гостиной, словно предоставляя нам право действия. Но у кого из нас теперь хватит решимости совершить задуманное? Остановить реактор — значит лишить этих двоих последней надежды оборвать последнюю нить, связывающую их с большим миром...

Над посадочной площадкой засветился ореол ионизированного газа. Площадка готова к приему пассажирского модуля. Через четверть часа он будет здесь. В тот же момент произошло еще что-то. Мы даже не сразу поняли, что именно.

Стало необычно тихо. Смолк могучий мерный гул, к которому мы уже успели привыкнуть. Реактор перестал работать, и у каждого в мозгу мелькнула страшная мысль о новой катастрофе. Мы бросились в Центральный пост, бежали по коридорам, задыхаясь от спешки и страха. У распахнутых дверей огромного зала мы остановились.

Те двое ждали нас здесь. Это они избавили нас от тяжелого бремени решения.

Они сами выключили реактор.

